

Научная статья

УДК

811.161.1'276.6:821.161.1-1(=515) ББК Ш141.12-9 + Ш5(2=P)6-334.4 + Ч484.21-257.1) © Л. В. Дубаков

DOI: 10.24412/2225-8264-2026-1-1098

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика преподавания, диалог культур, Перелешин, китайская аудитория, неадаптированный текст, поэзия эмиграции, анализ стихотворения, социокультурная компетенция, междисциплинарность

Keywords: Russian as a Foreign Language, teaching methodology, dialogue of cultures, Pereleshin, Chinese audience, unadapted text, émigré poetry, poetry analysis, sociocultural competence, interdisciplinary approach

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОРИГИНАЛЬНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ДЛЯ РАБОТЫ С КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИЕЙ

Дубаков Л. В.¹

Аннотация. В статье представлена методическая разработка учебного занятия, созданного на основе неадаптированного поэтического текста, в практике РКИ для китайской аудитории. В качестве материала используется стихотворение Валерия Перелешина «Вид на Пекин из Би-Юнь-Си», написанное русским поэтом-эмигрантом в Китае. Занятие имеет модульную структуру, включающую предтекстовый, притекстовый и послетекстовый этапы. Целью предтекстовой работы является актуализация знаний о судьбе поэта, специфике русской эмигрантской литературы и культурно-философском контексте китайского храмового пространства. В рамках притекстового этапа предложены вопросы и задания для детального лингвостилистического и литературоведческого анализа текста, направленные на выявление ключевых образов, философских мотивов и интертекстуальных связей с классикой. Послетекстовые творческие задания нацелены на развитие межкультурной компетенции, воображения и рефлексии через создание визуальных, аудиальных и литературных работ. Концепция занятия строится на принципе глубокого «диалога культур», позволяя китайским студентам увидеть родной культурный ландшафт глазами русского поэта и одновременно освоить сложные темы русской философской лирики. Предлагаемый подход демонстрирует междисциплинарный потенциал текста, который может быть использован как в практике РКИ, так и на занятиях по истории русской литературы, способствуя формированию социокультурной компетенции и критического мышления учащихся. Актуальность исследования обусловлена поиском эффективных моделей работы с аутентичной литературой в иноязычной аудитории. Научная новизна определяется выбором уникального текста, который является продуктом культурного синтеза и служит «ключом» к взаимному пониманию русской и китайской традиций.

¹Дубаков Леонид Викторович — кандидат филологических наук, доцент филологического факультета, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай, Провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1) E-mail: dubakov_leonid@mail.ru ORCID: 0000-0003-1172-7435

THE DIDACTIC POTENTIAL OF THE ORIGINAL POETIC TEXT FOR WORKING WITH A CHINESE AUDIENCE

LEONID V. DUBAKOV

CANDIDATE OF PHILOLOGICAL SCIENCES, ASSOCIATE PROFESSOR, SHENZHEN MSU-BIT UNIVERSITY

Abstract. The article presents a methodological development of a lesson on working with an unadapted poetic text in the practice of teaching Russian as a Foreign Language to a Chinese audience. The material used is Valery Pereleshin's poem «View of Peking from Bi-Yun-Si», written by a Russian émigré poet in China. The lesson has a modular structure, including pre-text, while-text and post-text stages. The aim of the pre-text stage is to activate students' knowledge about the poet's fate, the specifics of Russian émigré literature, and the cultural-philosophical context of the Chinese temple space. The while-text stage offers questions and tasks for detailed linguistic-stylistic and literary analysis of the text, aimed at identifying key images, philosophical motifs, and intertextual connections with the classics. Post-text creative tasks are designed to develop intercultural competence, imagination, and reflection through the creation of visual, audio, and literary works. The concept of the lesson is built on the principle of a deep «dialogue of cultures», allowing Chinese students to see their native cultural landscape through the eyes of a Russian poet while simultaneously mastering complex themes of Russian philosophical lyric poetry. The proposed approach demonstrates the interdisciplinary potential of the text, which can be used both in RFL practice and in classes on the history of Russian literature, contributing to the formation of students' sociocultural competence and critical thinking. The relevance of the research is determined by the search for effective models of working with authentic literature in a foreign language audience. The scientific novelty is defined by the choice of a unique text, which is a product of cultural synthesis and serves as a «key» to the mutual understanding of Russian and Chinese traditions.

Поступила в редакцию:
30.01.2026

ВВЕДЕНИЕ

В контексте преподавания русского языка иностранным учащимся значительный потенциал заложен в обращении к оригинальным литературным источникам — прозаическим, поэтическим и драматическим. Работа с подобными материалами, безусловно, сопряжена с интеллектуальным напряжением для обеих сторон образовательного процесса, в особенности для обучающихся. Современный медийный ландшафт, где доминирует аудиовизуальный контент, формирует особые условия: навык вдумчивого чтения у студенческой аудитории, независимо от ее происхождения, сегодня часто оказывается недостаточно развитым или постепенно утрачивается [1, с. 221]. Тем не менее, ценность подобной практики на уроках РКИ остается неоспоримой. Оригинальные художественные тексты, и в частности поэзия, открывают перед учениками путь к постижению сложных фонетических, акцентных и интонационных особенностей русской речи, обогащают их лексикон, в том числе за счет усвоения образных значений слов, погружают в историко-культурный контекст страны изучаемого языка, позволяют ощутить своеобразие национального мышления и языковой логики [2, с. 98]. Более того, систематическое чтение неадаптированных высокохудожественных текстов способствует интеллектуальному и эмоциональному обогащению личности.

Особого внимания заслуживает аспект формирования социокультурной компетенции через знакомство с произведениями, воплощающими межкультурный диалог [3, с. 4]. Под таким диалогом понимается взаимодействие национальных традиций, основанное на знакомстве представителей одной культуры с реалиями иной, их последующем осмыслении и интерпретации, ведущей к рождению нового культурного феномена [3, с. 4]. Эта компетенция позволяет иностранным учащимся оценивать русскую культуру и литературу сквозь призму ценностей собственной, а также адекватно презентовать свою культуру в коммуникации с ее носителями. Е. В. Победаш формулирует шесть критериев отбора художественного текста для занятий с иностранцами: отражение в тексте фактов чужой культуры, обобщенный взгляд на иную традицию, наличие культурных маркеров, уважительное отношение к другой культуре, соответствие языковому уровню учащихся и общим требованиям методики РКИ [3, с. 16–17].

Что касается китайской аудитории и использования литературного материала на занятиях РКИ, то за три столетия культурного обмена в русской словесности накопились сотни произведений различных жанров, содержащих отсылки к китайской реальности. Десятки из них потенциально пригодны для учебных целей. В данной статье предлагается разработка занятия на материале стихотворения Валерия Перелешина «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» (1943) [4, с. 120]. Действие этого произведения разворачивается в пекинском храмовом комплексе, его герой — по-видимому, русский эмигрант, долгие годы проживший в Китае.

Цель и задачи

Цель исследования: теоретически обосновать, раз-

работать и экспериментально апробировать модель комплексного учебного занятия на основе неадаптированного поэтического текста В. Перелешина «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы», направленную на формирование языковой, литературоведческой и социокультурной компетенций китайских студентов-филологов в рамках междисциплинарного подхода (РКИ и история русской литературы).

В рамках поставленной цели решаются следующие задачи.

1. Проанализировать критерии отбора аутентичных художественных текстов для работы в иностранной аудитории и обосновать релевантность стихотворения В. Перелешина «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» для китайской аудитории с точки зрения реализации принципа «диалога культур».

2. Разработать модульную структуру занятия, включающую предтекстовый, притекстовый и послетекстовый этапы, и наполнить ее системой дифференцированных заданий, учитывающих языковой уровень учащихся (В2) и их профессиональную (филологическую) направленность.

3. Создать комплекс лингвостилистических и литературоведческих вопросов и упражнений, обеспечивающих многоаспектный анализ поэтического текста: выявление ключевых образов, осмысление специфики пространственно-временной организации, интертекстуальных связей (с лермонтовским «Выхожу один я на дорогу...»), философско-религиозных мотивов (буддийские коннотации).

4. Предложить вариативные творческие задания послетекстового этапа, ориентированные на развитие межкультурной компетенции, визуального, аудиального и вербального типов восприятия, активизацию рефлексии и воображения учащихся.

5. Обосновать междисциплинарный потенциал разработанной модели и продемонстрировать возможность ее адаптации для различных образовательных контекстов: в рамках практического курса РКИ и в системе семинарских занятий по истории русской литературы XX века.

Методология, методы и материалы

Методическая основа занятия опирается на принципы, изложенные в работах Н. В. Кулибиной [5; 6; 7; 8], где обосновывается целесообразность привлечения неадаптированных текстов в практике РКИ и приводятся конкретные примеры подобной работы. Также учитывался опыт других специалистов в данной области [9; 10; 11; 12; 13].

В статье применяются методы герменевтической интерпретации художественного произведения, включенного наблюдения, а также систематизации и обобщения педагогического опыта автора.

Представленный учебный модуль был создан для китайских студентов-филологов четвертого курса (уровень В2) совместного российско-китайского Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне. При соответствующей адаптации и сокращении объема материал может быть использован и в группах студентов-нефилологов. Однако его дидактический потенциал выходит далеко за

рамки только лишь занятия РКИ. Данная разработка применима и на семинарских занятиях по истории русской литературы, в частности при изучении следующих ключевых тем и периодов.

Во-первых, анализ стихотворения Перелешина позволяет выявить специфические черты литературы русского зарубежья в Азии: мотивы культурного одиночества и синтеза, поиск духовной опоры в инокультурной среде, трансформация классических русских тем (судьбы, пути, покоя) в ином географическом и философском контексте.

Во-вторых, «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» дает возможность увидеть специфику рецепции русской классики в XX веке. Работа с текстом как с «палимпсестом» лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...» демонстрирует, как литературная традиция переосмысливается в новых исторических условиях.

В-третьих, текст Перелешина позволяет говорить о возрождении и усложнении философской проблематики (бытие/ничто, время/вечность, личное/безличное) внутри русской литературы, обогащенной опытом восточной мысли.

В таком случае акценты в работе со стихотворением смещаются с исключительно лингвистических задач на литературоведческие — такие, как изучение биографического контекста как ключа к пониманию творческой эволюции поэта, исследование системы образов и мотивов перелешинского произведения в их связи с общей поэтикой русского модернизма и в целом поэзии XX века, анализ жанрово-стилевого своеобразия философской лирики Перелешина, рассмотрение «Вида на Пекин из Би-Юнь-Сы» в широком историко-литературном процессе — в частности, с целью выявления его связей с Лермонтовым (при необходимости также с китайской поэзией).

Таким образом, предложенная методика обладает значительной междисциплинарной гибкостью. Она позволяет китайским студентам-филологам, с одной стороны, совершенствовать языковые навыки через работу с аутентичным, эмоционально насыщенным и культурно релевантным текстом. С другой стороны, она дает возможность погружения в сложные вопросы истории русской литературы XX века, демонстрируя ее открытость диалогу с иными культурными мирами и ее способность к самовоспроизводству и трансформации в условиях изгнания. Стихотворение Перелешина становится, таким образом, уникальным «ключом» к пониманию целого пласта русской культуры, увиденной одновременно изнутри (взглядом поэта-носителя) и извне (взглядом студента-иностранца, для которого китайский контекст этого произведения является родным).

Практическая часть: модульная структура занятия

Следуя целям работы с неадаптированным текстом, сформулированным на примере пушкинского «Ты и Вы» Е. А. Великановой и Н. Г. Урванцевой, можно обозначить задачи анализа стихотворения Перелешина: стимулирование познавательной активности через применение навыков изучающего и смыслового чтения; совершенствование коммуникативных умений и

расширение словарного запаса; развитие читательской компетентности иностранных учащихся [1, с. 223–224] — в данном случае, в аспекте восприятия родной для них китайской культуры глазами русского поэта, понимания диалога культур и литературных традиций.

Предтекстовая работа

Работа в 3–4 микрогруппах с последующей короткой презентацией каждой группы (при необходимости одно из заданий можно опустить). Презентации не должны превышать пяти слайдов, в их представлении на занятии должны принять участие все члены конкретной микрогруппы, к каждой презентации двум (или трем) другим микрогруппам предлагается задать по два вопроса.

Задание 1 (для группы «Биографы и контекст»). Сосредоточьтесь не только на факте эмиграции из России и жизни в Китае, но и на его глубоком погружении в китайскую культуру: он был блестящим переводчиком китайской классической поэзии и сам писал стихи на китайские темы. Как это двуязычие и диалог культур могли повлиять на образный строй его поэзии? Сформулируйте 2–3 ключевых слова, которые могли бы стать темами его стихов, учитывая этот культурный синтез.

Задание 2 (для группы «Архитекторы и созерцатели»). Расскажите о храме Би-Юнь-Сы (Храм Лазурных Облаков) (кит. упр. 碧云寺, пиньинь Bìyún Sì) не просто как о здании, а как о священном ландшафте. В китайской традиции расположение храма в горах («шань-линь» (кит. упр. 山林, пиньинь shānlín)) не случайно — это воплощение идеи уединения от мирской суеты для созерцания и самосовершенствования. Объясните, как принципы китайской садово-парковой и храмовой архитектуры (гармония с природой, включение вида в композицию) создают этот идеальный «вид с высоты». Как такая точка зрения соотносится с буддийскими представлениями о наблюдении за изменчивым миром из точки покоя?

Задание 3 (для группы «Диалог с классикой»). Вспомните (или познакомьтесь) со строками из известного стихотворения М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Как вы думаете, почему поэт-эмигрант первой половины XIX века может мысленно обращаться к этому классическому тексту? Что в ситуации лермонтовского героя могло быть созвучно человеку, навсегда покинувшему родину?

Задание 4 (для группы «Концепты и образы»). Обсудите следующие ключевые понятия, которые могут встретиться в философской лирике: бездомность, путь, убежище, вечность, покой. Дайте краткое определение каждому понятию в контексте духовных поисков человека. Расположите эти понятия в возможную смысловую цепочку или противопоставьте их друг другу. Представьте не только общефилософское, но и краткое китайское культурное толкование этих понятий.

После работы с презентациями преподаватель подводит итог, создавая «карту ожиданий».

• Перед нами предстает стихотворение поэта-ски- тальца, смотрящего на огромный город с высоты храма. Мы ожидаем встретить контрасты (шум/тишина, суета/покой, низ/верх), диалог с традицией русской

печали о вечном покое и глубоко личное переживание темы духовного пристанища. При этом важно, что перелешинский текст фиксирует взгляд русской души, воспитанной на русских вопросах о смысле бытия, но смотрит она через призму китайского сакрального пространства, организованного по законам гармонии и созерцательности.

После предтекстовой работы студенты читают стихотворение Перелешина «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы».

• Прочитайте стихотворение еще раз. Пусть в строках 3 и 4 прозвучит интонация сильного желания. Как при этом должна звучать последняя строфа?

Притекстовая работа

Преподаватель предлагает обучающимся проанализировать ключевые аспекты стихотворения Перелешина. Обсуждение строится вокруг лингвистического анализа, заключающегося в осмыслении многозначности ключевой лексики, синтаксических конструкций и образных средств языка, определяющих уникальную поэтику перелешинского текста, а также вокруг системы образов, пространственно-временной организации текста, его центральных идей, а также творческой переключки с известным лермонтовским произведением. Педагог дает задания и задает вопросы, при необходимости дополняя и уточняя высказывания аудитории. Ответы ниже сформулированы как возможные их варианты, поскольку анализ художественного произведения допускает множественность прочтений, а учащиеся могут предлагать собственные, подчас более простые, формулировки.

Вопросы и задания

• Найдите в тексте слова, которые могут иметь как прямое, так и переносное (философское, символическое) значение. Объясните оба значения.

[Возможный ответ. Путник / путь: 1) Человек, находящийся в дороге (прямое); 2) Символ жизненного странствия, духовных поисков (переносное). Столб: 1) Архитектурная опора (прямое); 2) Символ устойчивости, незыблемости, границы (переносное). В контексте — опора храма и точка, отделяющая героя от мира. Слава: 1) Известность, почет (прямое); 2) Символ всей мирской суеты, тщеславия, ложных ценностей (переносное, книжное). Зов: 1) Голос, оклик (прямое); 2) Внутреннее побуждение, призыв судьбы, вечности (переносное, высокое). Полет: 1) Перемещение по воздуху (прямое); 2) Метафора течения жизни, часто неконтролируемого, стремительного («невольный полет») (переносное). Прибежище: 1) Место, где можно укрыться (прямое); 2) Духовное убежище, спасение от жизненных бурь (переносное, книжное). Мавр: 1) Историческое название мусульманского населения Северной Африки (прямое); 2) Устойчивое выражение «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти» — символ человека, чье дело завершено, и он больше не нужен (переносное, фразеологическое).]

• Найдите в третьей и четвертой строфах предложения, выражающие сильное желание. Какие синтаксические средства используются для этого?

[Возможный ответ. Используются междометие

«О», частица «бы» для выражения сослагательного наклонения («прийти бы», «обрести бы»), а также восклицательные знаки («О, если бы...!», «...навек!»).

• Выпишите из первой строфы эпитеты и сравнения, характеризующие лирического героя и его положение. Как они сочетаются между собой? Что они говорят о его внутреннем состоянии — это вечный странник или он обрел пристанище?

[Ответ: эпитеты и сравнения — «как путник давний и бездомный», «у мраморного белого столба».

Возможный ответ. С одной стороны, герой — «путник», вечный странник, чья суть — движение и неприкаянность («бездомный»). С другой — он уже не в пути, он стоит у прочной, вечной опоры («мраморный белый столб»), которая является частью храма. Внутренне он все еще ощущает себя странником, но физически и духовно он уже достиг цели — священного места, которое может стать новым, не земным «домом». Его состояние — обретение точки опоры после продолжительных скитаний.]

• Проанализируйте строку «И город подо мной лежит огромный, / Как целый мир, как море, как судьба». Почему для сравнения выбраны именно эти три понятия — «мир», «море», «судьба»? Что общего между ними и какое чувство город рождает у героя?

[Возможный ответ. Все три сравнения объединяет идея безграничности, непостижимости и власти над человеком. «Мир» — все сущее, от которого не скрыться. «Море» — в значении житейское море, которое может поглотить. «Судьба» — рок, предопределение, ход жизни, который невозможно изменить. Иными словами, город внизу — не просто скопление зданий, это символ всей мирской, человеческой жизни с ее суетой. Герой стихотворения ощущает отстраненность, он пытается увидеть всю свою «судьбу» целиком и отделиться от нее.]

• Составьте две колонки. В одну выпишите образы и понятия, связанные с тем, что внизу (город). В другую — с тем, что наверху (храм, герой). Какой главный смысловой и ценностный конфликт стихотворения проявляется через эту вертикаль?

[Возможный ответ. Внизу: город, мир, море, судьба, слава, гроза, смерть. Наверху: мраморный столб, Храм Лазурных Облаков, ветер (зов), белоствольная сосна, покой, тишина, убежище. Конфликт между «низом» и «верхом»: суета, бренность, опасность vs. вечность, покой, спасение. Герой, находясь наверху, физически и символически разрывает связь с властью «низа» над собой. Он больше не в потоке судьбы, а в точке вечного убежища от нее.]

• Исследователи называют это стихотворение Перелешина «палимпсестом» (текстом, написанным поверх другого, где угадывается первооснова) стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...». Объясните, как разница между «выхожу» / «иду» (у Лермонтова) и «стою» (у Перелешина) задает разное развитие темы покоя в двух стихотворениях.

[Возможный ответ. У Лермонтова в строке «Выхожу один я на дорогу...» описывается начало пути, активного поиска. Герой движется к покою, который мыслится им как конечная точка. У Перелешина сти-

хотворение начинается с глагола «Стою...» — это мотив остановки, прибытия, обретения. Герой уже нашел место покоя. Другими словами, если у Лермонтова покой — это цель долгого странствия, возможная в будущем («чтоб... дремали...», «чтоб... склонялся...»), то у Перелешина покой — это переживаемое сейчас состояние («Я тих...», «Как я рад...»), доступное благодаря нахождению в священном убежище.]

• В третьей и четвертой строфах возникают яркие образы «голубя в ковчеге» и «трепетной птицы» в грозу. Задание. Раскройте символику образа ковчега. От какой «всемирной катастрофы» спасается герой? В чем разница между желанием «упокоиться навек» и страхом, чтобы «смерть... прошла внизу»? Противоречат ли они друг другу?

[*Возможный ответ.* Герой спасается не от потопа, а от «житейского моря» (мира суеты, страстей, страданий, «невольного полета» жизни). Ковчег — это место в мироздании, где можно переждать вселенскую бурю. Храм — это ковчег для души. «Упокоиться навек» — желание не смерти, а вечного духовного покоя, прекращения внутренней, страстной борьбы, обретения райского состояния. «Чтоб смерть... прошла внизу» — желание физической безопасности и отстраненности от самой идеи конца, которая властвует в мире. Эти два желания не противоречат, а дополняют друг друга: герой хочет полного, абсолютного спасения — и душевного (покой), и телесного (безопасность), но именно для жизни в убежище, а не для небытия.]

• Проанализируйте финальную строфу. Кого имеет в виду герой, называя себя «ненужный мавр»? Почему отсутствие лавров (символ славы) и литавр (символ шумного триумфа) вызывает у него такую радость и ощущение счастья? Что он в итоге обрел вместо этого?

[*Возможный ответ.* «Ненужный мавр» — отсылка к фразе «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти». Герой ощущает, что его жизнь в мире завершена. Он исполнил свою роль в «пьесе» мирской жизни и теперь может со спокойной совестью удалиться. Отсутствие лавров и литавр — это освобождение от двух главных искушений мирской жизни: жажды славы (лавры) и потребности в шумном признании, одобрении со стороны людей (литавры). Его счастье — в тишине, свободе от социальных оценок, наконец, в безличности.]

• Китайский исследователь Цзя Юннин считает, что герой в храме «приобрел настоящее утешение и духовное спокойствие» [14, с. 78]. Согласны ли вы с этой оценкой, учитывая почти отчаянные интонации третьей и четвертой строф («О, если бы...», «Да, если бы...»)? Чего в стихотворении больше — спокойствия или страстного желания этого спокойствия?

[*Возможный ответ.* Скорее, герой обретает спокойствие его прямо сейчас, и этот процесс сложен. Первые четыре строфы — это напряженное, страстное желание достичь полного слияния с этим местом, стать его частью («врасти»). Спокойствие и утешение (о котором пишет Цзя Юннин) ощутимы в последней строфе, где страстные порывы сменяются тихой, глубокой констатацией факта: «Я тих...», «Как я рад...». Таким образом, стихотворение — это путь от желания покоя — к его обретению и осознанию.]

• В стихотворении Перелешина (как, возможно, и у Лермонтова) присутствуют буддийские мотивы, ведь герой оказывается именно в буддийском храме. Найдите в тексте элементы (образы, идеи, состояния), которые можно соотнести с ключевыми понятиями буддизма — сансарой и нирваной.

[*Возможный ответ.* Сансара (мир страданий и суеты) — это город внизу — «море», «судьба». «Невольный полет» жизни — это и есть движение в сансаре, подчиненное кармическим законам, без истинной свободы. Нирвана (угасание страданий, покой) — это храм на горе — место, где «умолкает слава» и слышен только «вечный зов» ветра. Желание «упокоиться навек» и «притаиться» — стремление к состоянию, подобному нирване, угасанию мирских желаний и страхов.]

Вывод-резюме преподавателя

Вертикаль спасения у Перелешина — это не просто описание городского, околхрамового пейзажа, это концентрированная философско-поэтическая модель. «Низ» (город) — горизонталь человеческой истории, суеты, времени. «Верх» (храм) — вертикаль духа, вечности, покоя. Герой, стоя на границе, совершает выход из-под власти «низа» [15; 16].

При сопоставлении лермонтовского и перелешинского текстов их различия оказываются второстепенными, а глубинная основа — единой. Интуитивные буддийские мотивы у Лермонтова осмысленно воплощаются Перелешиним в конкретике китайского Храма Лазурных облаков. Герои обоих стихотворений подняты на экзистенциальную высоту, отстраненно созерцая мирскую суету. Эта позиция приглушает земные страсти, открывая жизнь как форму несвободы. Если лермонтовский герой ищет избавления в вечном сне, то перелешинский — в храме-убежище. Итог же общий: угасание личного «я» в покое вечности.

Послетекстовая работа

Предтекстовая и притекстовая работа над стихотворением «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» ориентирована на предельное исчерпание его смыслового наполнения и формальных особенностей. После студентам предлагается на выбор выполнить одно из творческих заданий, направленных на активизацию воображения, синтез полученных знаний и развитие межкультурной компетенции. Задания рассчитаны на разные форматы (индивидуальные и групповые) и типы восприятия (визуальный, аудиальный, вербальный).

Задание 1. Визуализация вертикали «низ–верх». Создайте визуальную работу (коллаж, цифровую иллюстрацию, схему-инфографику или эскиз), которая отражает основной конфликт стихотворения. В работе должны быть представлены: нижний уровень (символы города, суеты, «житейского моря» (можно использовать современные образы: транспорт, толпу, неоновые вывески, графики бирж)), верхний уровень (символы храма, покоя, вечности (облака, сосна, архитектурные элементы Би-Юнь-Сы, символы тишины)) и фигура героя на границе между ними.

Задание 1 (вариант). Создайте визуальную работу в эстетике традиционной китайской живописи «шаньшуй» (кит. упр. 山水, пиньинь shānshuǐ) (тушь, аква-

рель, цифровая графика). Ваша задача — изобразить не просто иллюстрацию, а философский пейзаж, передающий суть стихотворения. Используйте принцип «трех далей». На переднем плане — детали храма, сосна, фигура созерцателя («низ» как основа). Средний план — туман или облака, отделяющие храм от города. Задний план — едва намеченные, размытые очертания Пекина («высь» и «даль»). Передайте не фотографическое сходство, а настроение, контраст вечного и преходящего, дух уединения. Дополните работу каллиграфической надписью — ключевой строкой из стихотворения или своим иероглифом-резюме (напр., «покой» — 靜, «уединение» — 幽).

Задание 2. Звуковой ландшафт стихотворения. Подготовьте короткий аудио-коллаж (1–2 минуты) или плейлист из 3-х музыкальных произведений, который мог бы служить саундтреком к стихотворению или его экранизации. Критерии выбора. Звуки должны передавать контраст между «шумом внизу» (город) и «тишиной/зовом наверху» (храм). Можно использовать фрагменты традиционной китайской музыки, акустические записи (шум мегаполиса, ветер в горах, храмовый колокол), современные инструментальные композиции.

Задание 3. Диалог поэтов: Ван Чжихуань (или Ли Бо) и Перелешин. (У Ван Чжихуаня есть знаменитое стихотворение 登鶴鵲樓 (白日依山盡) «Поднимаюсь на башню аиста» («Белея, солнце вскоре зашло за гребень скал...»), к которому можно провести параллель от стихотворения Перелешина [17, с. 85], Ли Бо в своих стихотворениях в том числе создал образ печального поэта-отшельника.) Напишите воображаемый диалог в стихах или прозе между лирическим героем Перелешина и лирическим героем стихотворений Ван Чжихуаня (кит. упр. 王之涣, пиньинь Wáng Zhīhuàn; 688–742) или Ли Бо (кит. упр. 李白, пиньинь Lǐ Bái, 701–762/763). Ситуация: они встречаются у того самого «мраморного столба» в Би-Юнь-Сы, китайский поэт обращается к русскому гостю. Темы для диалога. Что такое «дом» для странника? Можно ли обрести покой, бежав от мира или будучи изгнанным из него? Чем тоска русского поэта похожа на китайскую печаль и чем отличается? Создайте диалог, который показал бы глубину взаимопонимания поверх культурных барьеров.

Задание 4. Современный «Вид из Би-Юнь-Сы»: Эссе-рефлексия. Напишите эссе-размышление (300–400 слов) на тему: «Может ли древний китайский храм в горах стать духовным убежищем для современного человека любой культуры?» Проанализируйте, какие универсальные человеческие потребности (в покое, смысле, защите от суеты) находит он в этом месте. Как китайская философско-архитектурная модель гармонии отвечает на вызовы XXI века? Является ли такая форма «убежища» актуальной сегодня или это удел избранных?

Задание 5. Мой Би-Юнь-Сы (Эссе или поэтический ответ). Напишите небольшое эссе или стихотворение в свободной форме (верлибр), в котором вы представите ваше личное «убежище». В эссе опишите реальное или воображаемое место (комнату, парк, уголок библиотеки, виртуальное пространство), где вы чувствуете

покой и отстраненность от суеты. Используйте в описании контраст «верха» и «низа». Какие мирские «лавы» и «литавры» остаются за его пределами? В стихотворении попробуйте передать ощущение обретенной тишины и точки опоры, используя, как и Перелешин, образы-символы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, методическая работа со стихотворением Валерия Перелешина «Вид на Пекин из Би-Юнь-Сы» наглядно демонстрирует эффективность интеграции аутентичного художественного текста, реализующего межкультурный диалог, в образовательный процесс для китайской аудитории. Предложенная модель занятия, построенная на последовательности предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работы, решает комплекс взаимосвязанных задач. Она позволяет студентам не только совершенствовать языковые компетенции через погружение в сложную, но интересную [18] поэтическую ткань, но и развивать критическое мышление, навыки интерпретации и социокультурную рефлексия.

Перелешинский текст представляет собой уникальный дидактический материал. С одной стороны, он в полной мере соответствует критериям отбора произведений для формирования социокультурной компетенции, так как органично включает «китайский мир» не как экзотический фон, а как смыслообразующее философское и пространственное начало. С другой — он открывает для китайских учащихся внутренний мир русской эмигрантской лирики, показывая, как классические темы русской литературы (путь, изгнание, поиск вечного покоя) преломляются и обогащаются в диалоге с иной духовной традицией.

Важным достоинством разработанного подхода является его междисциплинарная гибкость. В рамках занятия по РКИ акцент может быть смещен на лингвистический и коммуникативный аспекты, а предлагаемые творческие задания — служить инструментом активизации речи и воображения. В то же время, при соответствующей переакцентировке, тот же материал становится полноценной основой для семинара по истории русской литературы XX века, позволяя анализировать творчество «восточной ветви» эмиграции, особенности интертекстуальности и трансформацию философской лирики в условиях культурного синтеза.

Стихотворение Перелешина выступает, таким образом, в роли культурного моста и многофункционального учебного инструмента. Оно дает китайскому студенту возможность увидеть знакомый культурный ландшафт (пекинский храм) глазами русского поэта, что стимулирует диалогическое самоосмысление. Одновременно оно приглашает к освоению сложных пластов русской литературной традиции через эмоционально близкий и понятный контекст. Тем самым, практика работы с подобными текстами вносит вклад не только в языковое, но и в гуманитарное образование, воспитывая компетентных интерпретаторов, способных к глубокому пониманию как русской, так и собственной культуры в их плодотворном взаимодействии.

Список источников

1. Великанова Е. А., Урванцева, Н. Г. Русская поэзия в иностранной аудитории: стихотворение А. С. Пушкина «Ты и Вы» // Наука и школа. 2023. № 6. С. 220–228.
2. Хворостьянова Е. В. Стихотворный текст как учебно-методический материал в преподавании РКИ // МИРС. 2019. № 1. С. 97–100.
3. Победаш Е. В. Формирование социокультурной компетенции китайских учащихся в практике обучения РКИ: на материале текстов русско-китайского диалога культур: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Москва, 2019. 24 с.
4. Перелешин В. Три родины: Стихотворения и поэмы. Том 1. М.: Престиж Бук, 2018. 608 с.
5. Кулибина Н. В. Адаптировать нельзя понять: принципы адаптации художественных текстов в соответствии с «Общоевропейскими компетенциями владения иностранным языком» // Русский язык за рубежом. 2013. № 5. С. 22–30.
6. Кулибина Н. В. Зачем, что и как читать на уроке: метод. пособие для преподавателей РКИ / под ред. А. В. Голубевой. СПб.: Златоуст, 2015. 224 с.
7. Кулибина Н. В. Методика обучения чтению художественной литературы: моногр. 3-е изд. М.: ФЛИНТА, 2023. 304 с.
8. Кулибина Н. В. Читаем стихи русских поэтов: пособие по обучению чтению художественной литературы. 4-е изд. СПб.: Златоуст, 2008 96 с.
9. Вартаньянц А. Д. Пособие по анализу художественного текста для иностранных студентов-филологов (третий – пятый годы обучения). М.: Русский язык, 1986. 211 с.
10. Филимонова Н. Ю. Художественный текст в иностранной аудитории (начальный этап нефилологического вуза): монография / сост. И.И. Толстухина. Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2004. 112 с.
11. ПроЧтение: методические, психодидактические, социокультурные аспекты обучения чтению на родном и иностранном (русском) языке. Сб. материалов Международного науч. практ. семинара / под общ. ред. С. А. Юрмановой. М.: РУДН, 2019. 136 с.
12. Русская литература в иностранной аудитории: сб. научных статей. Вып. 7. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. 414 с.
13. Дубаков Л. В. Современная русская поэзия в китайской аудитории: стихотворение И. Б. Бурдонова «Дао города Пинъяо» // Преподаватель XXI век. 2025. № 3. Часть 1. С. 182–191.
14. Цзя Юннин. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина: дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2019. 165 с.
15. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: «Издательство Апрель», ООО «Издательство АСТ», Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. 632 с.
16. Малявин В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 436 с.
17. Чжан Юаньюань. Китай в жизни и творчестве В. Перелешина // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. №1. С. 77–91.
18. Урванцева Н. Г. Поэтический текст на уроках русского языка как иностранного (стихотворение А.С. Пушкина «Цветок») // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 1. С. 165–173.

References

1. Velikanova E. A., Urvantseva N. G. Russian poetry in a foreign audience: A. S. Pushkin's poem "Ty i Vy". *Nauka i shkola = Science and School*. 2023; 6: 220–228. (In Russ.).
2. Khvorostyanova E. V. Poetic text as a teaching material in teaching Russian as a foreign language. *MIRS*. 2019; 1: 97–100. (In Russ.).
3. Pobedash E. V. Formation of sociocultural competence of Chinese students in the practice of teaching Russian as a foreign language: based on the texts of the Russian-Chinese cultural dialogue: abstract of the dissertation of a candidate of pedagogical sciences. Moscow, 2019. 24 p.
4. Pereleshin V. Three Homelands: Poems and Poetic Cycles. Vol. 1. Moscow: Prestizh Buk Publ., 2018. 608 p.
5. Kulibina N. V. One cannot adapt to understand: principles of adaptation of literary texts in accordance with the «Common European Framework of Reference for Languages». *Russkiy yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2013; (5): 22–30. (In Russ.).
6. Kulibina N. V. Why, what and how to read in class: a methodological guide for teachers of Russian as a foreign language / edited by A. V. Golubeva. Saint Petersburg: Zlatoust, 2015. 224 p.
7. Kulibina N. V. Methods of teaching reading fiction: monograph. 3rd ed. Moscow: FLINTA, 2023. 304 p.
8. Kulibina N. V. We read poems by Russian poets: a manual for teaching reading fiction. 4th ed. Saint Petersburg: Zlatoust Publ., 2008. 96 p.
9. Vartanyants A. D. A manual for the analysis of literary text for foreign philology students (third – fifth years of study). Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1986. 211 p.

10. Filimonova N. Yu. Literary text in a foreign audience (initial stage of a non-philological university): monograph / compiled by I. I. Tolstukhina. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet Publ., 2004. 112 p.
11. [ProReading: methodological, psychodidactic, sociocultural aspects of teaching reading in native and foreign (Russian) language. Collection of materials of the International Scientific and Practical Seminar / edited by S. A. Yurmanova. Moscow: RUDN Publ., 2019. 136 p.
12. Russian literature in a foreign audience: collection of scientific articles. Iss. 7. Saint Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena Publ., 2018. 414 p.
13. Dubakov L. V. Modern Russian poetry in a Chinese audience: Igor Burdonov's poem «Tao of the City of Pingyao». *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the XXI century*. 2025; 3-1: 182–191. (In Russ.).
14. Jia Yunning. The image of China in the poetry of Arseny Nesmelov and Valery Pereleshin: dissertation of a candidate of philological sciences. Moscow, 2019. 165 p.
15. Malyavin V. V. Chinese Civilization. Moscow: «Izdatel'stvo April'», ООО «Izdatel'stvo AST», Izdatel'sko-prodiuserskii tsentr «Dizain. Informatsiia. Kartografiia» Publ., 2000. 632 p.
16. Malyavin V. V. The Twilight of the Tao. Chinese Culture on the Threshold of the Modern Era. Moscow: IPTs «Dizain. Informatsiia. Kartografiia»: ООО «Izdatel'stvo Astrel'»: ООО «Izdatel'stvo AST» Publ., 2003. 436 p.
17. Zhang Yuanyuan. China in the life and work of V. Pereleshin. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2021; (1): 77–91. (In Russ.).
18. Urvantseva N. G. Poetic text in the lessons of Russian as a foreign language (A. S. Pushkin's poem «Flower»). *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the XXI century*. 2023; 4-1: 165–173. (In Russ.).